

ОЧЕРКИ КОЛЫМСКАГО КРАЯ

I

ПОХОДСКАЯ ВИСКА.

Ожива, ожива¹ близко! съ различныхъ заимокъ, расположенныхъ по устьямъ Високъ, впадающихъ въ Колыму повыше ея разделенія на двѣ широкія вѣтви, медленно уносящія ея воды въ Ледовитый Океанъ, доходятъ утѣшительныя вѣсти. Пантелеиха «продурѣлась» давнымъ давно, на Темкиной «настояще ожились», Анюи² «вышли» и выломали ледъ до самой Крестовки. Даже на Черноусовой, ближайшей къ намъ заимкѣ, Петръ Четвериковъ третьяго дня металъ сѣти и добыл восемь сардонокъ³ и три чира... Сотня походскихъ жителей, которые уже третью недѣлю сидятъ у берега, глядя, по ихъ собственному выражению, какъ голодныя чайки, на воду, постепенно прибывающую у закраины матерого рѣчного льда, разные *маломочные, беззаводные, непромышленные людишки* стали ободряться духомъ. Даже тощія собаки, которыя съ утра до вечера бродятъ, какъ тени, по тонкому берегу виски, тратя по временамъ послѣдніе остатки уцѣлѣвшей энергіи на отчаянную битву изъ-за обрывковъ собачьей шкуры, разбросанныхъ по косогору (мясо и кости давно истреблены, отъ собачьихъ труповъ остались только лоскутья шкуры), стали веселѣе и какъ-то возбужденно нюхаютъ кругомъ. Въ воадухѣ запахло рыбой, походскимъ чиромъ, потрохами нельмы, омулевой пупкой⁴...

Май готовъ перевалить на вторую половину. Огромное яркое солнце уже пятую полночь спускается на грань горизонта, постоитъ немного на краю прозрачной небесной синевы, какъ будто собираясь нырнуть въ какую-то темную глубину, но не рѣшаясь сдѣлать прыжокъ, потомъ рѣшится — нырнетъ и почти тотчасъ-же вынырнетъ изъ-подъ набѣжавшей тучки или изъ-за низкаго холма, одиноко высящагося среди безлѣсной тундры, и тутъ-же начнетъ подниматься вверхъ, какъ будто спѣша наверстать недавнее замедление. Однако и морозъ никакъ не можетъ рѣшиться оставить свою исконную данницу, полярную землю. Уже четвертая сутки дуетъ пронзительный низовый вѣтеръ⁵, по временамъ сходя на полуночникъ и снова возвращаясь на первоначальный румбъ. Вода на Вискѣ подергивается каждую ночь (если можно говорить о здѣшной ночи въ настоящее время) крѣпкимъ

¹ Ожива — первая свежая рыба, добываемая изъ рѣки послѣ весенней голодовки. Ожиться — добыть оживу.

² Большой Анюй и Сухой Анюй — два большіе притока нагорнаго берега Колымы, впадающіе въ неё противъ г. Нижне-Колымска на расстояніи нѣсколькихъ верстъ другъ отъ друга.

³ Сардонка — щука.

⁴ Пупка — рыбье брюшко, срѣзаемое во всю длину.

⁵ Низовый вѣтеръ — NNW, полуночникъ — N.

ледкомъ, а синеватый хабурь¹ на матерой рѣкѣ не обнаруживаетъ никакой склонности къ разрыхленію. Но свѣтлая полоска забереги² скромно и почти незамѣтно пріютившаяся у края сѣро-синей толщи рѣчного льда, увеличивается съ каждымъ днемъ, почти съ каждымъ часомъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ тычки, поставленныя почти у каждаго карбаса на краю воды. Впрочемъ и безъ тычекъ голодные чайки, глядящія неустанно на воду, не пропустятъ никакого измѣненія въ состояніи рѣки. Уже второй день въ заберегѣ появилась верховая быстерь³. Ожива, ожива близко!..

Знаете-ли вы, что такое ожива на Нижней Колымѣ?.. Когда рѣчная заберега расширится на всей рѣкѣ и пріобрѣтетъ глубину хоть *до полувесла*, если при этомъ не будетъ низовой воды, прибыль которой ослабляетъ верховую быстерь и препятствуетъ ей мутить рѣчную тину, жители «спустятся въ воду» и начнутъ лихорадочную погоню за промысломъ, стараясь изловить вертлявую рыбу на самой глубинѣ чуть не голыми руками при помощи самыхъ жалкихъ лоскутьевъ давно изорваннаго невода и двухъ-трехъ совѣмъ упавшихъ сѣтишекъ. Начнется весенняя *битва*, по мѣстному опредѣленію, самое горячее время промысла, которое тянется около мѣсяца.

Тяжелы условія ниже-колымскаго промысла! Берега Нижней Колымы отлоги и покрыты толстымъ слоемъ вязкаго няша⁴. Нѣтъ ни одной *приглубой тони*, ни одной дресвушки⁵, на которой бережничему⁶ можно *ступать сухими сухими ножками*. Три промышленника, необходимые при каждомъ неводѣ, должны все время бродить въ ледяной водѣ по поясъ, на нѣкоторыхъ тоняхъ даже *до подпазуховъ*.

— Неводьба наша страсная! говорятъ сами низовики о весеннемъ промыслѣ.

— Сто ты будешь дѣлать? Какъ заберега придетъ, спустимся въ воду да такъ и бродимъ во все лѣто. Надо исти, какъ-нибудь кусокъ добысти! Ину пору придетъ низова погода, земля куржавѣтъ, вода мерзнетъ, а мы все бродимъ. Да хоть-бы одержонка кака путная! А то такъ себѣ подштаннички, да кукашка⁷ кака-нибудь коротенька, — только има у нее, сто кукашка, рукава те у ней натодѣль (нарочно) обрѣзаны, потому тяжелая да долгая, ее намочишь, такъ

¹ Хабурь — обнаженная поверхность льда, выступившая поздней весной изъ-подъ разстаявшаго снѣга.

² Заберега — полоса воды, прибывающей у берега незадолго до вскрытія рѣки. Заберега на Нижней Колымѣ часто имѣетъ болѣе ста сажень ширины.

³ Рыба, входящая въ рѣку, присасывается къ тонямъ только противъ верховой быстери, т. е. противъ быстрого теченія рѣчной воды, прибывающей сверху. Низовая вода, нагоняемая изъ Океана въ устье Колымы сильными низовыми вѣтрами, ослабляетъ верховую быстерь и поэтому препятствуетъ промыслу рыбы. Кромѣ того, благодаря ослабленію быстроты теченія, вода становится чрезвычайно прозрачною, такъ что рыба, даже находящаяся на тоняхъ и уловныхъ мѣстахъ, обходитъ неводъ и сѣти.

⁴ Няша — рѣчная тина.

⁵ Дресва, дресвушка — рѣчной берегъ, усыпанный мелкой галькой.

⁶ Бережничій — идетъ по берегу, волоча за собой длинную веревку (клячь), привязанную къ бережнымъ ушамъ невода. Два другіе промышленника ведутъ неводъ по рѣкѣ, плывя въ карбасѣ.

⁷ Кукашка — мѣховая рубашка.

никогда и подняста её не будеть... А ещё говорятъ, сто мы лѣнвивые! Попробовали-бы вотъ сами побродить этакъ ту! То есть духъ заператся грудѣ! А, межъ тѣмъ, на иныхъ берегахъ быстерь, въ водѣ горавникъ¹, тальникъ. Пока бережникъ идетъ, всѣ ноги то-есть себѣ издрэжетъ!... А на берегъ выйдемъ, сушиться негдѣ, да и врѣма нѣту. Когда ты тутъ сушиться станешь? Такъ и ходимъ суточно мокрые! Только спаси Богъ, если удастся рыбку по рыбка сварить. Горачей щербой² нутро опалить — все-таки, хоть, немножко, да отойдетъ. .

— Да, сто? говорилъ мнѣ одинъ промышленникъ: ины то въ этой мукѣ обезсиливаются, сами и въ карбасъ подняться не могутъ, ихъ изъ воды то на рукахъ вытациваютъ, на рукахъ и къ балагану приносятъ. Да, вотъ, веснусь, мы на ярмонкѣ были, такъ къ намъ Завитой пришелъ, въ родѣ какъ гостить. — Поѣдемъ, говору, съ нами, Ваня, на тоню! Поѣдемъ! говоритъ. Вотъ и выѣхали. Попробовалъ я весломъ — до самой дужки вода, — «Спускайся, говору, Ваньва!» — «Робаты!»³ говоритъ, — онъ чего брѣдитъ? Этакую глубь тебѣ какой православный спустится?» — Спускайся, говору, коли съ нами на то приѣхалъ!.. Онъ и спустился и поволокъ клячъ⁴. О, быстерь! Такъ съ огня и рвѣтъ! А между тѣмъ берегъ стопило. Въ водѣ тальникъ, только вершинки торчатъ. Съ полтони мой Ваня кричитъ. — «Ой, брошу клячъ! Ноги кровь издрезалъ! Терпѣня нѣту!» — А вижу — по обоимъ крыламъ рыба такъ и запрыгала неводу... — «Эй, Ваня! говору, — сонце!.. Покрѣпись, для Бога! Эту тоню притянемъ, больше и неводитъ не станемъ!..» Ну, притянули — правда, ужъ настояще кай-быть⁵. А Ваню-то ужъ въ карбасъ за ручки подняли, самъ сясти ужъ не могъ! Оттуль напраходъ погребли домой!.. — «Ты сто говоришь? возражаетъ другой: вотъ третьемъ году Иванъ Ефимовичъ совсѣмъ закаралъ Шкарина да Ваську — они у него въ работникахъ были. Ну, онъ человекъ на промыселъ лютой, жарной, весной совсѣмъ не спитъ, ходитъ суточно, въ круговую со сонцемъ вѣмѣсть; а они, самъ знашь, не совсѣмъ!.. между тѣмъ, онъ хозяинъ. У него одежда перемѣнна, сяка разна, ну ему и хорошо. А у нихъ какъ по одной кукашечкѣ, ну они и окрѣпли⁶! Напослѣдокъ самъ привезъ ихъ къ намъ на большу тоню. Они и весло-то въ руки взяти не могутъ!.. Вынули ихъ изъ карбаса, потащили въ балаганъ, такъ сами передъ огнемъ и стоятъ не могутъ — сзади человекъ за руки поддърживать. Какъ отпустить, такъ кзади и летятъ пластомъ, какъ сонна рыба».

¹ Горавникъ — разновидность тальника съ множествомъ гибкихъ и крѣпкихъ вѣтвей.

² Щерба — похлебка.

³ Ребята!

⁴ Клячъ — см. выше прим.

⁵ Кай-быть — какъ слѣдуетъ быть, изрядно, хорошо.

⁶ Окрѣпли — продрогли.

— А у насъ, Песчаномъ, говоритъ третій: и того тебѣ хуже! Бродишь, бродишь подъ пазухъ, а у прибора¹ нагибаться станешь, чисто ротомъ вода наливается. До прибора станемъ доходить, совсѣмъ до нагишка раздѣваемся, то есть до порковъ и до рубахи. Въ чемъ мать родила, въ воду спускаемся, такъ и ходимъ. Ну, изъ воды вылѣземъ, суху одежду надѣсти къ намъ и хорошо!

А между тѣмъ ходимъ суточно, сонъ чисто не знаемъ! И покуль чайникъ варится, уснемъ въ сидѣнку, облокчимся какъ-нибудь, да и опять на округъ. Все равно сонце, гоняемъ! Промыселъ не охота отпустить: потомъ не наставишь!..

А, межъ тѣмъ, кусокъ добудешь, и тотъ охранить не можно. Какъ только напромышляемся, дойдутъ до верьху слыхи, сто у насъ добычно, сейчасъ это придутъ разныя лица, съ чаями, да съ табаками, и давай ѣдемно собирать! Иной-отъ юколу² свою только и видитъ, покуль она на вѣшалахъ сохнетъ, потуль только и говоритъ сто — «моё»! Какъ эти проѣзжающіе уйдутъ, иноди остаемся такъ, что передъ чаемъ и закусить нечего... Какъ станемъ дѣлать? Чаекъ надо, табачекъ надо, новóму³ то рубаху. Тоже всѣ живые люди. Тутъ опять долги! Того злѣе заводное⁴. Самъ знашь, у насъ какой заводъ? А безъ заводу ты какъ добудешь? Иноди трахлятся⁵, юколу отдаемъ по четверти за вязку⁶... А въ этакой бродкѣ, да мокрости какъ ты будешь безъ питья? Тутъ и промыслу не радъ станешь. Лучше ужъ послѣдняго куска лишиться!

Гиблое мѣсто эта Походская виска! На всемъ свѣтѣ едва-ли можно найти подобный заброшенный уголь, гдѣ-бы осколокъ культурнаго народа жилъ въ такомъ беспомощномъ униженіи, ограничивъ свои потребности до minimum'a необходимой насущной пищи и все-таки находясь подъ вѣчной угрозой голода, даже голодной смерти. Кругомъ нагая бесплодная тундра. Нѣтъ ничего, нѣтъ даже дровъ, не чѣмъ топить избы. *Край льсовъ* остался далеко позади, топить приходится плавникомъ скудно разбросаннымъ по берегамъ Походской Колымы (*матерая борозда* проходитъ по правой, Сухарной, вѣтви, унося съ собой большую часть пловучаго лѣса). Зимой приходится ѣздить по дрова за 20 - 25 верстъ, собирать кокорникъ, осколки мокрыхъ и полугнилыхъ стволовъ. Чуть только холодъ уменьшится, начинаютъ топить попросту прутьями сухого тальнику, лишь-бы вскипятить какъ-нибудь чайникъ, да сварить ѣду. Зимой, не смотря на жестокіе, *крутые* морозы, топятъ весьма скудно. Въ январѣ избы обмерзаютъ внутри сверху до

¹ Приборъ — нижній конецъ тони, гдѣ промышленники пригибаются къ берегу и начинаютъ прибираться, собирая неводъ такъ, чтобы заставить рыбу войти въ мощню, узкій и глубокій мѣшокъ, вставленный въ полотно невода на бережномъ крылѣ, саженьяхъ въ 15 отъ ушей.

² Юкола — верхній слой жирной рыбы, искусно снятый вмѣстѣ съ кожей. но безъ костей, высушенный на солнцѣ и слегка прокопченный въ дыму.

³ Новóй — иной.

⁴ Заводное — матеріалъ для приготовления сѣтей и неводовъ. Заводъ — рыболовныя снасти и принадлежности.

⁵ Трахлятся — случается. Иноди — иногда.

⁶ По четверти — кирпичча чаю за 50 юколовъ. Въ вязкѣ 25 нелемыхъ юколовъ и 50 омулевыхъ, муксуновыхъ или чировыхъ.

низу. Вездѣ сыро, угарь. Даже привычныя походскія головы не выдерживаютъ... Человѣка «съ другой рѣки» походскій угарь охватываетъ, какъ тяжелая болѣзнь, и онъ спѣшитъ покинуть это негостепріимное мѣсто и удалиться восвояси, въ широты болѣе умѣренного климата (если можно говорить о климатической умѣренности за предѣлами полярного круга¹). Чтобы построить избу, приходится сплавлять лѣсъ сверху или напротивъ вывозить его съ урочища Каменнаго, верстахъ въ шестидесяти ниже по Колымѣ, гдѣ есть большіе наносные холуя². Впрочемъ, уже больше четверти вѣка на Походской да и вообще на всей Нижней Колымѣ не выстроено ни одной новой избы. Отъ грознаго «оспеннаго года»³ осталось слишкомъ много пустыхъ домовъ. Самое большее, что приходится дѣлать низовику, это переложить заново избу, пуская въ дѣло тѣ же старыя дѣдовскія бревна. При всеобщей скудости въ дровахъ, выморочныя жилища регулярно уничтожаются на топливо, и все-таки повсюду такъ и торчатъ опустѣлыя избы съ зіяющими черными дырками вмѣсто оконъ и полуобвалившимися стѣнами.

Негостепріимная тундра, соблазнившая природнаго русскаго человѣка поселиться на устьѣ Походской виски, даетъ ему только рыбу, какъ для пропитанія, такъ и для продажи или обмѣна. Даже птица, прилетающая каждое лѣто въ такомъ обиліи на здѣшнія озера и протоки, почти не служитъ для походчика предметомъ промысла. Ружей нѣтъ почти ни у кого. Двѣ, три старыя кремневые пищали — съ растрескавшимся запаломъ, грозящимъ разорваться при первомъ выстрѣлѣ, лежатъ, коснѣя въ многолѣтнемъ бездѣйствіи. Ленную птицу⁴ прежде промышляли хорошо, но со времени оспеннаго года этотъ промыселъ по разнымъ причинамъ падаетъ все болѣе и болѣе. Къ западу отъ рѣки, по морскому берегу, на тундрѣ водится песецъ. Но пастникомъ⁵ занимаются немногіе. Большая часть жителей слишкомъ убоги и поглощены заботой о насущномъ кускѣ, чтобы *поднять пастникъ*. И безъ пастника походчику есть за чѣмъ походить и поѣздить. За полозьями для нарты, за топорищемъ для топора нужно отправляться за сто верстъ вверхъ, гребные карбасья приходится покупать *на другихъ рѣкахъ*. На Походской Колымѣ нѣтъ подходящей осины для выдѣлки днища. Даже за текучей сѣрой⁶,

¹ На устьѣ рѣки Алазеи верстахъ въ 400-хъ къ западу отъ Походской Колымы, русскіе жители, живущіе въ рубленыхъ избахъ, круглый годъ совсѣмъ не топятъ, въ настоящемъ смыслѣ слова. Въ самую глухую зимнюю стужу навѣсятъ котель на крюкъ, кое-какъ вскипятятъ его и поскорѣе гасятъ огонь. Избы ихъ, какъ снаружи, такъ и внутри одинаково покрыты толстымъ слоемъ льду. Сидятъ они у себя въ избѣ въ полной зимней одеждѣ и раздѣваются, только ложась спать. По моему это и есть настоящій полюсь холода, не смотря на нѣкоторое уклоненіе въ показаніяхъ термометра.

² Холуй — груда наноснаго лѣса.

³ Оспенный годъ — 1884-85 г. Оспа, придя зимою съ индигирской стороны, произвела страшное опустошеніе среди чукочъ западной тундры, а на Нижней Колымѣ уничтожила около трети всего населенія.

⁴ Ленная, линялая птица лишается на время способности летать. Ее промышляютъ разными способами русскіе порѣчане тундры и прочіе.

⁵ Пастникъ — совокупность пастей? Пасть — деревянная ловушка для зайцевъ, лисицъ, песцовъ.

сѣрой¹, необходимой для того, чтобы залѣпить отставшій сукъ въ карбасѣ, нужно ѣхать за сорокъ верстъ вверхъ... Плодами своего рыбнаго промысла походчикъ долженъ прокормить себя, своихъ домочадцевъ и собакъ, на нихъ онъ долженъ пріобрѣсти чай, табакъ, нѣсколько аршинъ ткани на рубашку и починку портяного полога², купить коноплю³ и холстъ для невода, волосъ для сѣти. А деньги трудно достаются на Нижней Колымѣ, несмотря на то, что расчетъ производится только на рубли, а о копѣйкахъ жители имѣютъ самое смутное понятіе.

Само собою разумѣется, что походская рыба никоимъ образомъ не можегъ пополнить всѣ прорѣхи мѣстнаго бюджета, и, стараясь заткнуть своимъ кускомъ дыры своего нищаго хозяйства, житель слишкомъ часто оставляетъ, увы, собственный желудокъ пустымъ. Походчикъ знакомъ съ голодомъ практически и даже теоретически; онъ хорошо знаетъ различные способы оживленія людей, спасаемыхъ отъ голоднаго истощенія, можетъ дать правильную оцѣнку многихъ суррогативъ пищи ему доступныхъ и т.п. Вообще въ лѣтописяхъ Нижней Колымы голодъ составляетъ нормальное явленіе, повторяющееся періодически съ правильными промежутками. «У насъ это годами! говорятъ низовики. — Трите года бываютъ промышленны, а потомъ съ краю три непромышленны!» Въ промышленные годы низовики, по ихъ собственному заявленію, живутъ *сыто, кай-бытъ, не надо лучше*. Это «лучше не надо», впрочемъ, не исключаетъ ни одного изъ постоянныхъ бѣдствій тяготѣющихъ надъ головой низовика. Бродитъ онъ весною по поясъ въ ледяной водѣ, отпиваясь горячимъ настоемъ брусничнаго листа за неимѣніемъ кирпичнаго чаю, куритъ кысырь⁴ вмѣсто табаку, носитъ на плечахъ рубаху, пока лохмотья ея не сползуть съ плечъ, зимой долбитъ пешнею⁵ четырехъ-аршинную толщу льда, чтобы заметать подъ нею свою полуизодранную сѣть. Отъ всего этого низовикъ не избавленъ ни въ сытые, ни въ голодные періоды. Но въ настоящіе промышленные годы рыбы, добытой за короткое лѣтнее время, достаетъ *отъ воды до воды*. Низовикъ не только каждый день имѣетъ *довольный кусокъ къ обѣду, къ ужнѣ и къ паузнѣ*, не только кормитъ *на травѣ*⁶ своихъ собакъ, но нерѣдко къ началу новаго промысла у него остается лишній кормъ. Въ промышленные годы тому или иному удачливому промышленнику неоднократно приходилось выгребать

¹ Текучая сѣра — свѣтлая смола, вытекающая изъ трещинъ коры на сырой лиственницѣ.

² Пологъ — небольшая четырехугольная палатка. Портяной — сдѣланный изъ ткани, въ отличіе отъ ровдужнаго — сдѣланнаго изъ оленей замши-ровдуги.

³ Коноплю прядутъ и полученную нить двоятъ при помощи веретена. Холстъ раздергиваютъ на тонкія ниточки и ссучивъ ихъ между собою, тоже двоятъ.

⁴ Кысырь, или оскребка — табачный нагаръ, выскабливаемый изъ мундштука трубки. Его курятъ, смѣшивая со скобленнымъ деревомъ, какъ и настоящій табакъ.

⁵ Пешня — желѣзный ломъ на длинной деревянной рукояткѣ, употребляется для долбленія льда.

⁶ На травѣ — сколько ни стравить — до сыта, до отвалу.

лопатою старую рыбу изъ амбара или погреба и разбрасывать ее по сѣндухъ¹, чтобы очистить мѣсто новымъ запасамъ.

За то въ голодные непромышленные годы картина рѣзко мѣняется. Низовикъ, главную цѣль помысловъ котораго составляетъ *пѣдушка*, уязвленъ въ самое чувствительное мѣсто. Уже въ половинѣ зимы съ различныхъ *жителѣствъ*, уединенно разбросанныхъ по глухимъ протокамъ, устьямъ високъ и другимъ рѣчнымъ угламъ, начинаютъ доходить тревожныя вѣсти. У того-то *нехватка*, у другого *скудное питаніе*, третій скоро доѣстъ послѣднее перо² и останется съ собаками совсѣмъ безъ всякихъ способовъ и т.д. Съ половины февраля является настоящій голодъ. Многія семьи начинаютъ жить изъ покупки, не смотря на всю недостаточность своихъ платежныхъ средствъ³.

А между тѣмъ цѣна на рыбу у скупщиковъ все растетъ и растетъ. Сельдятка, скупленная осенью по 5 — 6 рублей за тысячу, поднимается до десяти, потомъ до пятнадцати рублей, въ иные годы до двадцати и до двадцати пяти рублей. Люди, имѣющіе нерпичьи сѣти, уѣзжаютъ на море въ надеждѣ добыть пару «нерпей» и прокормить своихъ собакъ нѣсколько лишнихъ дней. Другіе уѣзжаютъ на тундру или на камень къ чукчамъ за 200 - 250 верстъ, чтобы купить, или, лучше сказать, вымолить, у кочевника «сухонькаго вешняго оленчика» въ обмѣнъ за привезенную желѣзную тарелку или чайникъ. Впрочемъ, все это помогаетъ мало. Семья въ 5 человекъ, имѣющей 8-10 собакъ, вешній олень-лончакъ⁴ съ трудомъ хватаетъ на два дня (собакамъ отдаютъ потрохъ и кости). Тюленье мясо люди ѣдятъ съ отвращеніемъ, жира не могутъ ѣсть даже многія собаки. Въ половинѣ апрѣля голодъ вступаетъ, такъ сказать, въ полное владѣніе Нижней Колымой, и жители прекращаютъ непосильную борьбу съ его властью. Въ послѣдніе полтора мѣсяца до вскрытія рѣки, люди ѣдятъ по общему правилу разъ въ день, собакъ кормятъ черезъ день. Самыя бѣдныя семьи тоже ѣдятъ не каждый день. Низовикъ ту же подтягиваетъ поясъ и *ходитъ голодомъ* день за днемъ, постепенно теряя весь подкожный жиръ и превращаясь въ какой-то ходячій скелетъ. Весь край словно замираетъ, съ тупымъ терпѣніемъ ожидая оживной поры.

Нормальный голодъ на Нижней Колымѣ можетъ выдержать сравненіе съ какимъ угодно голодомъ мѣстностей Европ. Россіи. Чтобы обмануть свой пустой желудокъ, жители прибѣгаютъ къ разнообразнымъ суррогатамъ настоящей ѣды. Такъ, прошлой весной походскіе жители выжаривали на сковородѣ тюлений жиръ и ѣли остающіеся *ошурки*. — «Изъ крайности чего исти не станешь? Лишь-бы какъ-нибудь душу спасти»!.. говорила мнѣ одна изъ

¹ Сѣнтуха, сѣндуха — пустыня, всякое мѣсто вдали отъ людскаго крова.

² Перо — рыбій плавникъ. Птичьи перья напротивъ называются шерстью.

³ Обычнымъ платежнымъ средствомъ служить закладываніе въ работу на время промысла. При малолюдности края рабочая сила всегда въ цѣнѣ.

⁴ Лончакъ — всякое животное по второму году.

потребительницъ этого продукта. — Ну, да ужъ разъ поѣшь, потомъ два дни ни какая ѣда не надо! Только сдумаешь про ѣду, такъ все нутро переверотить!.. Другіе, опаливъ шерсть на сырой тюленьей шкурѣ пекли ее на огнѣ и тоже употребляли въ пищу. — «Хорошо! отзывались потребители, — Даромъ тонко, а ѣда много! Самому ѣдовитому человѣку три четыре выти¹ свободно выдутъ»!.. Даже пришельцы изъ Европ. России, болѣе обезпеченные средствами, чѣмъ туземцы, дошли до крайности. Можно съ увѣренностью сказать, что такіе непромышленные годы не обходились-бы безъ случаевъ голодной смерти, если-бы на помощь не приходила казенная благотворительность и самообезпеченіе, въ видѣ устройства запасныхъ рыбныхъ магазиновъ. Послѣ прошлогодней весенней голодовки, промыселъ рыбы лѣтомъ и осенью былъ до такой степени неудаченъ, что, право, нельзя сказать, какіе размѣры и формы снова принялъ-бы весенній голодъ въ настоящемъ году, если-бы не мѣра, принятая мѣстными властями съ минувшей осени и состоявшая въ безвозмездномъ взысканіи такъ называемой «новой добычи», т.е. *десятой части валового промысла* въ пользу запасныхъ рыбныхъ магазиновъ. Собранная такимъ образомъ рыба была раздаваема заимообразно нуждающимся въ теченіе весеннихъ мѣсяцевъ. Подъ конецъ и этихъ запасовъ не хватало, и голодные жители перешли на прежнее *весеннее положеніе*.. Что сказали-бы экономисты и всевозможные внутренніе обозрѣватели различныхъ оттѣнковъ и лагерей, если-бы для помощи голодающимъ былъ предпринятъ повсемѣстный сборъ десятой части валового продукта, хотя-бы съ земледѣльческой промышленности?

Взиманіе не обошлось безъ эпизодовъ довольно экстреннаго характера. Приведу примѣръ. Одинъ изъ промышленниковъ, К.Р., добылъ «изъ воды» 10,000 сельдей. Третью часть улова онъ немедленно отдалъ въ уплату прежде сдѣланныхъ долговъ, также продалъ и промѣнялъ на чай, табакъ, податныя деньги и т.п. Остальное служило пищей ему и его собакамъ въ теченіе сей осени. Уплату онъ старался подъ разными предлогами оттянуть подальше, такъ-какъ у него становилось все меньше и меньше рыбнаго запаса, и ему казалось страшно отдать сразу «въ казну» такъ много. Наконецъ, у него осталась одна завѣтная тысяча, которую онъ внесъ полностью на удовлетвореніе десятины.

Не смотря на такіе эпизоды, должно признать, что безъ новой добычи населеніе рѣшительно не могло-бы просуществовать въ теченіе только что минувшей весны. На всей Нижней Колымѣ едва можно насчитать, кромѣ торговцевъ и людей, обезпеченныхъ казеннымъ жалованьемъ, какой-нибудь десятокъ семей, которыя не пользовались-бы пособіемъ изъ «казенныхъ» запасовъ. Тотъ-же самый К.Р., внеся въ магазинъ свою послѣднюю тысячу,

¹ Выть — кормежка.

пропитался въ теченіе марта и апрѣля сельдяшкой, выданной ему заимообразно изъ экономической казны, причемъ въ числѣ пособія, быть можетъ, была и часть его собственной рыбы.

Какъ сказано выше, запасные рыбные магазины не представляютъ новости на Колымѣ. Лѣтъ двадцать тому назадъ экономическіе рыбные запасы считались сотнями тысячъ, по крайней мѣрѣ на бумагѣ. Повсюду существовали общественные погреба, въ которыхъ могла сохраняться значительная часть этихъ запасовъ. Другая часть изъ году въ годъ раздавалась на руки жителямъ, въ промышленные годы даже принудительно. — Иногда и не хочешь, а поневолѣ берешь, когда приказываютъ — рассказываютъ старики, — Куды-же её дѣть! Не пропадать-же казенному добру! Потомъ осенью опять отдаешь!... Но послѣ оспеннаго года все это пришло въ забвеніе. На Походской вискѣ былъ большой общественный погребъ, выкопанный съ превеликими трудами по настоянію одного изъ исправниковъ; оставшіеся въ живыхъ перестали уплачивать рыбные займы: они слишкомъ упали духомъ и обнищали для этого... Вообще, 20 или 30 лѣтъ тому назадъ періодическія голодовки на Нижней Колымѣ хотя и имѣли мѣсто, но далеко не въ такой острой формѣ. Чукчи на западной тундрѣ были многочисленны и богаты стадами. Въ случаѣ нужды голодающее населеніе пополняло недостатки своего питанія чукотскими оленями, которые продавались дешево, иногда за безцѣнокъ. — «Выборнаго быка по четверти¹ покупали!» съ сожалѣніемъ и восторгомъ рассказываютъ походчики о добрыхъ старыхъ временахъ. — «Это, что такое нужда, мы совсѣмъ и не знали. Чуть что, сейчасъ запряжешь собачекъ, выѣдешь на тундру, а ужъ тамъ у всякаго свой другъ былъ. Приѣдешь къ другому, выложишь чаекъ, табачекъ, онъ тебѣ съ краю и убьетъ десять или тамъ пятнадцать. Сколько скажешь, столько и убьетъ. То есть сами чукчи отнимались промежъ собою изъ-за нашего живота. А не то, какъ теперь: сколько клянся не клянся, онъ тебѣ никога и убисти не хочетъ»...

Оспенный годъ уничтожилъ три четверти чукочъ, кочевавшихъ къ западу отъ Колымы. Еще два-три года тому назадъ въ разныхъ мѣстахъ на тундрѣ можно было находить огромные конусообразные остовы шатровъ, полуприкрытые клочьями гнилыхъ шкуръ надъ переплетомъ длинныхъ тонкихъ жердей, торчавшихъ, какъ обнаженныя ребра. То были остатки жилищъ, покинутыхъ среди пустыни, ибо обитатели ихъ вымерли до послѣдняго человѣка иногда въ теченіе одной зимней ночи. Люди, уцѣлѣвшіе отъ погрома, совершенно обѣднѣли и предпочли удалиться отъ непосредственной близости съ голодными порѣчанами и ихъ собаками, чтобы избѣжать необходимости убивать имъ на пищу своихъ послѣднихъ оленей. Правда, на каменномъ берегу Колымы чукчи, по прежнему, многочисленны и

¹ По черверти – кирпича.

богаты стадами, но и они живутъ далеко, и бѣдному порѣчанину часто не подѣ силу подняться съ мѣста и отправиться разыскивать своего полудикаго кочевого сосѣда, тѣмъ болѣе, что цѣна на убойныхъ оленей поднялась чуть не въ три раза противъ прежняго, а покупательныя средства порѣчанина, напротивъ, значительно уменьшились съ паденіемъ пушнаго промысла, разстройствомъ Анюйской ярмарки и т.п.

Полвѣка тому назадъ оленные чукчи еще не кочевали въ непосредственной близости съ русскими; на Нижней Колымѣ существовали запасныя хлѣбныя магазины, которые оказывали населенію существенную помощь во время весеннихъ голодовокъ, тѣмъ болѣе, что казенная мука тогда продавалась сравнительно дешево. Только въ послѣдніе годы русское населеніе Нижней Колымы остается совершенно безпомощнымъ въ то время, когда помощь ему нужнѣе, чѣмъ когда-бы то ни было. Я никогда не забуду той обстановки, среди которой мнѣ пришлось прожить въ прошломъ году нѣсколько дней на заимкѣ Коретовой, въ 50 верстахъ вверхъ по Колымѣ отъ Походской виски. Ъды не было ни у кого. Въ иныхъ избахъ сухіе котлы праздно стояли въ кутѣ за камелькомъ, опрокинутые вверхъ дномъ. Уже другія сутки въ нихъ не варилось ни одной рыбьей «кости». Узнавъ о нашемъ приходѣ жители стали собираться въ избу.

— «Гдѣ чукчи? — спрашивали они съ алчнымъ блескомъ въ глазахъ (мы прикочевали къ Коретовой вмѣстѣ съ чукчами): Гдѣ чукчи?.. Близко?.. Въ одинъ день доѣхали можно?.. Можетъ, человекъ бываетъ, какого оленчика, убилъ бы?..». Одинъ изъ пришедшихъ тотчасъ же собралъ какія-то кожи, чатки¹, копья (собственнаго кузнечнаго производства) и уѣхалъ къ чукчамъ. Въ вечеру онъ вернулся и привезъ два полетня — «Все таки не порожнемъ пріѣхалъ!» облегченно говорилъ онъ. Все это были рѣчные жители, собравшіеся съ разныхъ сторонъ на встрѣчу чукотскому старостѣ Этгыгину, вслѣдствіе распространившагося слуха, что онъ намѣренъ убить для голодающихъ десять оленей. Лица у всѣхъ осунулись, глаза жадно и лихорадочно блестѣли, нѣкоторые изъ нихъ не ѣли по два и по три дня, другіе питались жареной шкурой тюленя, остатками собачьяго корма и т.п. Къ сожалѣнію, слухъ оказался ложнымъ, и только послѣ многихъ просьбъ удалось убѣдить кочевника убить для голодающихъ пять небольшихъ лончаковъ, которые тутъ же были разбиты на части и разобраны по рукамъ голодающими.

А между тѣмъ, если трудно снабдить нижнеколымчанина дешевымъ чаемъ, табакомъ, тканями и т.п., если еще труднѣе изобрѣсти какой-нибудь новый заработокъ, создать новый предметъ вывоза, который позволилъ-бы ему возвысить уровень своихъ потребностей, хотя бы до такой степени, чтобы сравняться съ самими захудалыми обитателями болѣе умѣренныхъ широтъ

¹ Чатка — небольшое поперечное тесло для обработки дерева, употребляемое чукчами.

сибирской страны, то уничтожить периодическія чуть не хроническія голодовки, превратить всѣ годы колымской лѣтописи въ сплошные сытые, гораздо легче, — «Всему дѣлу голова-заводина», говорятъ низовики. Общее количество рыбныхъ промысловъ въ Нижнеколымскомъ округѣ едва-ли достигаетъ и 100,000 пудовъ. Если увеличить это количество даже на пятьдесятъ процентовъ, то въ округѣ водворится обиліе, ибо вывозъ возможенъ только въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Но даже при тѣхъ примитивныхъ способахъ рыбнаго промысла, какіе существуютъ на нижней Колымѣ, допустимо было-бы гораздо болѣе значительное увеличеніе добычности, если бы только невода и сѣти были въ сколько-нибудь исправномъ видѣ. Тому, кто не видѣлъ собственными глазами, трудно представить себѣ какими ветхими, изодранными лоскутьями низовикъ добываетъ свою житницу¹. Дыра на дырѣ, починка.... — «Сквозь нашъ неводъ не токмо рыба, медвѣдь вездѣ пройдетъ и нигдѣ не задѣнетъ», говорятъ низовики. Хорошо ещѣ, если есть чѣмъ чинить эти дырѣя. Текущей весной всѣ они остались безъ починки, представляя свободный проходъ каждой нельмѣ или муксуну, которые только захотятъ избѣжать путешествія въ мотню невода. Ни одинъ изъ обитателей Нижней Колымы не купилъ ни фунта копопли, ни аршина холста: купцы не привезли «заводного» въ Нижнеколымскъ, а кто и привезъ, тотъ продалъ Анадырщику на Анюйской ярмаркѣ². Окружающіе меня промышленники, готовящіеся къ неводному промыслу, настойчиво выпрашиваютъ каждый обрывокъ мѣшка, каждый лоскутъ грубаго холста, ссорятся между собою изъ-за любой тряпки, которую я могу отдать, и завладѣвъ ею, немедленно раздергиваютъ по ниточкамъ и ссучиваютъ эти ниточки между собою, выдѣлывая необходимое имъ *прядено*. Съ половины лѣта будетъ еще хуже, если не подоспѣетъ казенная конопля. Главный промыселъ на Походской вискѣ состоитъ въ устройствѣ большого ѣза при устьѣ ея, предъ самымъ впаденіемъ въ Колыму. На запорѣ виски сѣзжаются люди *со всѣхъ верховыхъ рѣкъ* (конечно ближайшихъ), ибо походскій ѣзъ славится обиліемъ и превосходнымъ количествомъ добываемой рыбы. Собственно говоря, устраивается два, даже три ѣза, и многочисленныя ворота въ каждомъ ѣзу загораживаются мережами, связанными какъ невода, изъ двойной конопляной или льняной нити. Въ этихъ мережахъ, въ видѣ мѣшка съ узкимъ конусообразнымъ входомъ и собирается рыба. Мережа должна быть непременно крѣпкая, если возможно — новоссученная: иначе рыба пробьетъ её и уйдетъ. Дѣйствительно, каждый годъ рыба, идущая руномъ, пробиваетъ насквозь мережи во всѣхъ трехъ ѣзахъ и выходитъ въ

¹ Житница — средство къ жизни.

² Анадырскіе мѣщане, пріѣзжающіе на Анюйскую ярмарку, очень охотно покупаютъ «заводное» отъ колымскихъ купцовъ.

образовавшіяся дырья, «какъ въ двери» — по злобному выраженію беспомощныхъ промышленниковъ. Изъ всей приходящей рыбы человѣку удается добыть *какую-нибудь часточку*, и то только въ томъ случаѣ, когда мережа и перетяги¹ сравнительно въ порядкѣ. — «Въ этомъ году и загрузить не ково будетъ!» съ отчаяніемъ говорятъ жители. — Старыя мережи *упали*, новыхъ нѣту! Загородимъ вису, а въ воротахъ-то кова спустимъ? Развѣ сами спустимся да станемъ рыбу портами добывать?!»... Не въ лучшемъ состояніи находятся и волосянки².

Этому недостатку въ сѣтяхъ и мережахъ, конечно, легко помочь казенной доставкой конопли и волоса, которая дѣйствительно устроена съ давнихъ поръ. Волось доходитъ до Нижней Колымы почему-то преимущественно черного цвѣта, хотя преобладающій цвѣтъ лошадей въ Якутской области бѣлый³. Но бѣлый волосъ отбирается по пути слѣдованія другими претендентами, а Нижней Колымѣ достается остатокъ, забракованный всѣми.

Раздача даже такихъ матеріаловъ затрудняется нерѣдко тѣмъ, что за населеніемъ почти всегда числится недоимка прошлыхъ лѣтъ по волосяному и коноплянному займу, и до очищенія этой недоимки останавливается или уменьшается новая выдача, не смотря на приближеніе промысла и недостаточность наличнаго *завода*. Такъ, текущей весною было выдано нижнеколымскому мѣщанскому обществу по полтора фунта довольно плохого волоса на каждую семью. Между тѣмъ на обыкновенную сѣть — семерикъ⁴ уходитъ около трехъ съ половиною фунтовъ лучшаго волоса. Очевидно, казенной выдачи едва достанетъ на то, чтобы починить дырья старыхъ волосянокъ, не говоря уже о постройкѣ новыхъ. Конечно, избавить край отъ голодовки непромышленныхъ лѣтъ можно обильной и своевременной доставкой дешеваго и доброкачественнаго матеріала для приготовленія сѣтей и неводовъ. Въ этомъ случаѣ не нужно останавливаться даже передъ безвозмездной раздачей — по крайней мѣрѣ болѣе бѣднымъ семьямъ, что составитъ ежегодную затрату въ 200-300 рублей, которая, однако, очень скоро окупится даже для прямого казеннаго интереса въ видѣ уничтоженія хронически накапливающихся недоимокъ.

Другимъ неотложнымъ вопросомъ для Нижней Колымы является сохраненіе продуктовъ весенняго и лѣтняго промысла въ ихъ первоначальномъ видѣ. На всей Нижней Колымѣ по *деревнямъ и заимкамъ* нѣтъ ни одного порядочнаго погреба, только въ крѣпости есть два или три погреба, едва достаточныхъ для удовлетворенія хозяйственныхъ потребностей пришлого служащаго и

¹ Перетяга — длинная сѣть, связанная изъ коноплянной нити. Перетягивается на узкихъ мѣстахъ високъ поперекъ теченія, отъ берега до берега.

² Волосянка — волосяная сѣть.

³ Черный волосъ хуже бѣлаго. Сѣть, связанная изъ черного волоса, виднѣе въ водѣ. Поэтому рыба обходитъ еѣ.

⁴ Семерикомъ называется сѣть, ячеи которой по діагонали имѣютъ ширину въ семь пальцевъ.

неслужащаго элемента. Въ деревняхъ даже *экономію* класть некуда. Общественные погреба, объ устройствѣ которыхъ прилагали столько попеченія предшествовавшія Колымскія власти, подвергнуты забвенію или превратилась въ усыпальницы.

Устройство погребовъ на Нижней Колымѣ, дѣйствительно, можетъ показаться затруднительнымъ — но крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ Походскаго устья. Берега нижняго теченія Колымы пологи и тинисты. Во время ледохода прибывающая вода заливаема избашки и балаганы промышленниковъ до половинны стѣнъ. Люди спасаются на кровляхъ, или садятся въ карбасъ, сложивъ предварительно въ него свое имущество, и привязываютъ затѣмъ корму къ углу затопленной избы; въ крайнемъ случаѣ перебираются на какой-нибудь пригорокъ или близлежащій холмъ, какіе попадаются тамъ и сямъ по лѣвому тундряному берегу Колымы. Погребъ, выкапываемые вблизи этихъ жилищъ даже на болѣе высокихъ мѣстахъ, почти ежегодно заливаются водою, приходя въ полную негодность.

Однако, еще большее затрудненіе является въ отсутствіи необходимыхъ орудій. Не говоря уже о кайлахъ, у низовика зачастую нѣтъ пещни для долбленія льда, нѣтъ даже сколько-нибудь пригоднаго топора для рубки дровъ. Орудіе, которымъ онъ привыкъ обходиться, часто до такой степени выломано и выщерблено, что едва-ли можетъ конкурировать съ небольшими гладко полированными топорами каменнаго вѣка, какіе иногда попадаются по Колымскимъ и Анюйскимъ дресвамъ. Помимо погребовъ, каждая могила требуетъ отъ походчика или сухарновца напряженія его силъ. Яму приходится вырубать плохими топорами, которые отскакиваютъ, какъ дерево, отъ окостенѣлой почвы вѣчно не тающихъ земныхъ слоевъ. И не смотря на всѣ старанія, могильныя ямы, вырубленныя низовикомъ, такъ мелки, что то и дѣло приходится слышать о медвѣдѣ, разрывшемъ ту или иную могилу, чтобы съѣсть свѣжезарытый трупъ.

Житель Нижней Колымы привыкъ питаться «изъ воды». Только осенній уловъ сохраняется въ видѣ запаса свѣжей рыбы, благодаря великому консервирующему дѣятелю полярныхъ странъ — рано приходящему осеннему морозу. Вся рыба, добытая весной или лѣтомъ немедленно *стряпается*, т.е. превращается въ юколу или хачиру и костье¹ и сушится на солнцѣ. Лѣтомъ или весной, стоитъ только потянуть сильному низовому вѣтру, прекращающему возможность промысла нерѣдко на цѣлую недѣлю, чтобы всѣ жители вдругъ остались безъ ѣды, кромѣ сухой юколы. Когда юкола сохнетъ, жиръ съ нея стекаетъ прямо на землю. Значительная часть питательныхъ соковъ

¹ Хачира дѣлается точно такъ-же, какъ и юкола, только изъ болѣе сухой рыбы и во время сушенія не такъ тщательно оберегается отъ порчи, ибо назначается на собачій кормъ. Остовъ рыбы, остающійся отъ сръзыванія юколы или хачиры, называется костью.

вывѣтривается во время сушенія. Вязка хахты¹ вмѣстѣ съ вязкой костью представляютъ, по крайней мѣрѣ, вдвое меньшую массу питательныхъ веществъ, чѣмъ пятьдесятъ жирныхъ трехфунтовыхъ рыбъ, изъ которыхъ онѣ приготовлены. Впрочемъ, въ продажѣ двѣ вязки такого «сухого корма» стоятъ никакъ не дешевле 50 рыбъ и низовикъ, покупающій лѣтомъ чай и табакъ именно въ обмѣнъ на «сухое», нисколько не тяготится своимъ кропотливымъ способомъ приготовленія сушеной рыбы. Низовикъ привыкъ къ юколѣ. При полномъ отсутствіи муки и мучныхъ продуктовъ, сухой кормъ составляетъ единственную доступную ему «чаеву закуску», которую онъ цѣнитъ почти столько-же, сколько и основную свою ѣду, вареную рыбу. Къ сожалѣнію, въ ненастное лѣто даже сухой кормъ портится. Юкола горкнетъ и покрывается плѣсенью, на костьѣ заводятся черви, даже варка киснетъ во флягѣ².

Какъ-бы то ни было, низовикъ не только не кладетъ лѣтней рыбы въ погребъ, но и не солить ея, въ противоположность жителю Средней Колымы.

Прежде всего, у него нѣтъ посуды, необходимой для этого, ибо почти всѣ пустыя фляги³ остаются въ Среднеколымскѣ, а низовикъ едва можетъ найти флягу или двѣ подъ жиръ и варку. Впрочемъ, среднеколымская соленая рыба низовику не совсѣмъ по вкусу. — «Они соленую щербу ложками хлебаютъ, а мы-то есть близко подойти не можемъ отъ вони. Ложку сглонемъ, такъ сейчасъ на сердцѣ худо станетъ!» — презрительно отзываются низовскіе каюры, возвращаясь изъ *города*.⁴ Дѣйствительно, рыба средне-колымской солки при ничтожномъ содержаніи соли (фунтъ соли на пудъ рыбы) и крайней нечистотѣ приготовленія ржавѣетъ и киснетъ даже въ ледяныхъ погребахъ и превращается въ продуктъ, годный къ употребленію только для весьма стойкаго желудка. Зимой, когда главную пищу среднеколымскихъ мѣщанъ и казаковъ побѣднѣе составляютъ запасы именно этой соленой рыбы, избы ихъ, несмотря на вѣчную тягу камелька, пропитываются насквозь тяжелымъ специфическимъ запахомъ, проникающимъ даже въ платье и въ поры кожи, примѣшивающимся къ дыханію и къ выдѣленіямъ организма. Напротивъ, низовикъ питается кислой рыбой гораздо рѣже — преимущественно во время весенней голодовки. Въ обычное время она идетъ на кормъ собакамъ. Поэтому изба его вообще содержитъ чище, чѣмъ на средней Колымѣ, свободна отъ тяжелаго зловонія, какое исходитъ зимою изъ устья средне-колымской фляги, оттаивающей въ кутѣ.

«Любовь начинаетъ говорить, когда желудокъ молчить», сказалъ какой-то французскій, а можетъ быть, и не французскій любитель парадоксовъ. — «Не

¹ У обыкновенной юколы срѣзываютъ пупку особо. Юколу хахту вѣшаютъ для просушки, не срѣзывая пупки.

² Варка — пупки рыбы, варенныя въ рыбьемъ жиру. Продуктъ, очень любимый на Колымѣ.

³ Фляга — плоскій трехведерный боченокъ, приспособленный для выючной перевозки спирту. Пустыя фляги употребляются на Колымѣ на самыя различныя хозяйственныя нужды.

⁴ Среднеколымскъ — городъ по преимуществу, — urbs. Нижнеколымскъ — крѣпость, oppidum.

до дружка, до своего брушка!» — комментирует по своему нижнеколымчанинъ изреченіе европейской мудрости. Тѣмъ не менѣе, жизнь колымского порѣчанина является блестящимъ опроверженіемъ вышеприведеннаго положенія.

Невѣроятная легкость нравовъ, распространенная среди русскаго населенія на Колымѣ и принимающая подчасъ поистинѣ чудовищныя формы, способна удивить всякаго. — «У насъ вода такая!» говорятъ колымчане и колымчанки, пытаясь объяснить загадочное явленіе, иногда удивляющее ихъ самихъ. Не знаю, какое значеніе можетъ имѣть въ данномъ случаѣ вода, или, скорѣе, рыбная пища, добываемая изъ воды, вліянію которой нерѣдко приписывается увеличеніе половой возбудимости. Въ этомъ отношеніи на русскихъ поречанъ, несомнѣнно имѣли и имѣютъ огромное вліяніе обычаи окружающихъ инородческихъ племенъ, якутовъ, юкагировъ, чукочъ, ламутовъ, кровь которыхъ отчасти въ жилахъ всего рѣчнаго населенія и для которыхъ цѣломудріе женщины не имѣетъ никакой цѣны. Во всякомъ случаѣ общедоступность женщинъ, легкость и простота смѣшенія половъ являются у русскаго населенія на Колымѣ не отклоненіемъ отъ нормы, а нормальнымъ состояніемъ, почти переходящимъ въ особую форму общественнаго брака.

Такое свободное состояніе общественно-половыхъ отношеній влечетъ за собой самыя роковыя послѣдствія. Распущенность нравовъ оплачивается цѣной крови и тѣла, здоровьемъ настоящихъ и будущихъ поколѣній. Сифились всевозможныхъ формъ и видовъ, разѣдающій край чуть-ли не со временъ его первоначальнаго занятія сибирскими казаками, является настоящимъ бичемъ Колымы. Среди инородческихъ кочевыхъ племенъ, благодаря разрозненности и малому развитію общественности, еще можно встрѣтить здоровыя семьи. На рѣкѣ, въ буквальномъ смыслѣ слова, нѣтъ ни одной семьи, ни одного человѣка мѣстнаго происхожденія, въ жилахъ котораго протекала-бы кровь, совершенно свободная отъ сифилитическаго яда. Нигдѣ нельзя встрѣтить такого количества изуродованныхъ лицъ, съ вытекшими глазами, провалившимся носомъ, прогнившими губами, какъ среди этого немногочисленнаго населенія, и есть деревни, пользующія даже на Колымѣ дурной славой въ этомъ отношеніи, напримеръ Усть-Омолонъ,

Время отъ времени застарѣлая сифилитическая зараза, обновленная притокомъ свѣжаго яда, завезеннаго изъ Якутска каким-нибудь казакомъ или купеческимъ работникомъ изъ подгороднихъ якутовъ, вдругъ обостряется и принимаетъ эпидемическій характеръ. Являются всевозможныя злокачественныя сыпи, шанкры и т.п., заражающіе даже тѣхъ, кто до этого былъ, по крайней мѣрѣ — казался, здоровымъ. Такая эпидемія распространилась на Колымѣ именно настоящей весной. На Походской вискѣ, напримеръ, изъ общаго числа жителей въ 110 чел. острой формой сифилитическаго

зараженія страдаютъ болѣе 20 чел., всё молодыхъ и здоровыхъ людей. 6 чел. увезены въ нижнеколымскую временную больницу, остальные здѣсь. Если увезти ихъ въ больницу именно теперь, наканунѣ самой горячей страдной промышленной поры, вся походская виска останется безъ промысла, помимо того, временная больница не имѣетъ ни пищи, ни лѣкарствъ для такого обилія паціентовъ. Черезъ несколько дней всѣ они спустятся въ ледяную воду и начнутъ свою безконечную бродку, омывая свои язвы и сыпи холодною рѣчною влагой и осушая ихъ пронзительнымъ сѣвернымъ вѣтромъ, единственными цѣлительными средствами, изначала вѣковъ предназначенными судьбой для врачеванія болѣзней и ранъ колымскаго жителя.

При отсутствіи всякой иной медицинской помощи, дѣйствіе этихъ двухъ лѣкарствъ порождаетъ на почвѣ колымскаго сифилиса результаты поистинѣ поразительные. Такъ, минувшей осенью въ средне-колымскую больницу явился якутъ Ѳедоръ Сазоновъ, пріѣхавшій изъ отдаленнаго наслега на конской нартѣ, привязанной за сѣдломъ ямщика, и, объявивъ себя больнымъ, выразилъ желаніе подвергнуться осмотру. Когда новоприбывшій паціентъ разоблачился отъ дорожныхъ одеждъ, всѣ присутствующіе были поражены отвращеніемъ и ужасомъ. Къ бедрамъ его былъ привѣшенъ на ремешкахъ небольшой берестяной туесокъ, спускавшійся довольно низко и до краевъ наполненный какими то осклизлыми, гноящимися кровавыми лоскутьями мяса. Это были продукты двухгодичнаго сифилитическаго разложенія. Достигнуть города и больницы ужасному больному удалось не безъ труда, благодаря противодѣйствию наслежнаго старосты. Наслегъ долженъ платить за содержаніе и лѣченіе больныхъ, а у Сазонова не было никакихъ собственныхъ средствъ. Пролежавъ въ больницѣ нѣсколько мѣсяцевъ, Сазоновъ, подвергнутый тремъ послѣдовательнымъ хирургическимъ операциямъ, къ своему великому утѣшенію настолько поправился, что могъ отправиться обратно въ свой родной наслегъ — впредь до возникновенія на его тѣлѣ второй сифилитической язвы.

Если на Средней Колымѣ, не смотря на многолѣтнее отсутствіе врача, можетъ быть изъ году въ годъ оказываема медицинская помощь тому или другому больному этого рода, то Нижняя Колыма не имѣетъ этого утѣшенія. Медицинская помощь, являющаяся сюда временно и торопливо, роковымъ образомъ принимаетъ характеръ такъ сказать «судебно-медицинскій», разрѣшаясь принудительнымъ повальнымъ осмотромъ всего населенія, безъ пощады полу и возрасту, объявленіемъ сифилитическаго карантинна и тому подобными мѣрами, къ сожалѣнію, ни къ чему не приводящими на практикѣ.

Въ обычное будничное время люди умираютъ на Нижней Колымѣ оттого, что некому вытащить занозу или разрѣзать случайно образовавшійся нарывъ.

Такъ, въ четвертомъ году въ Нижнеколымскѣ умеръ молодой и здоровый парень, наступившій въ лѣсу на острый сукъ. Дерево вонзилось довольно глубоко въ мякоть ступни и обломилось такъ, что внутри раны остался небольшой кусокъ. Вытащить его было некому. Я видѣлъ человѣка, много лѣтъ тому назадъ нечаянно пробившаго себѣ стрѣлою самострѣла мягкую часть руки повыше локтя. Рана, за отсутствіемъ лѣченія, осталась открытой и гноящейся и повлекла за собой сухотку руки и крайнее ослабленіе всего организма. Примѣры эти можно было-бы умножить до безконечности.

Странно и грустно видѣть небольшую группу русскихъ людей, Богъ вѣсть зачѣмъ поселившихся въ этомъ непріютномъ краю, давно опустившихся до низкаго уровня развитія окружающихъ инородческихъ племенъ и тѣмъ не менѣе сохранившихъ массу воспоминаній и пережитковъ иной, болѣе культурной жизни. Сквозь всевозможныя примѣси юкагирской, ламутской, якутской и всякой иной чужеродной крови пробивается упрямая арійская кровь, снова и снова возрождается исконный славянскій типъ, высокій и статный, съ свѣтлорусыми кудрями и голубыми глазами, съ овальнымъ лицомъ и правильнымъ прямымъ носомъ странно выдѣляющимися среди окружающаго единообразія широкихъ скулъ и черныхъ прямыхъ волосъ, похожихъ на пряди конской гривы. Рядомъ съ юкагирскими и ламутскими словами въ языкѣ порѣчанъ попадаютъ древнерусскія слова, даже историческія выраженія: (*разнобоярщина, на бѣлой земль сидѣть, литовское разоренье* и т.д.). На ряду съ юкагирскими и чукотскими сказками нижнеколымскій *бахарь* рассказываетъ множество сказокъ старой Москвы, старинныхъ рыцарскихъ романовъ. перекроенныхъ на старорусскій ладъ, даже самъ сочиняетъ такія-же сказки по готовому образцу. На вечерахъ поются старинныя «игровыя пѣсни», разыгрываются хороводныя игры, нѣкогда имѣвшія мѣсто на лугу, но загнанныя морозомъ въ тѣсную ограду избы. Изъ устъ какого-нибудь молодца, нерѣдко не смотря на свѣтлые волосы и голубые глаза, пишущагося бродячимъ инородцемъ такого-то омоцкаго рода, можно услышать отрывокъ богатырской старины, въ яркихъ чертахъ описывающей бытъ и время, неизвѣстные и непонятные даже для жителя Центральной Европейской Россіи, не говоря уже объ убогомъ рыболовѣ на краю азіатскаго сѣверо-востока. Съ обрядами юкагирскаго шаманства перекрещиваются повѣрья и обряды древнерусскаго вѣдовства. Сусѣдко-домовой, дѣдушко-водяной, лѣшій, лѣсной еретикъ сталкиваются съ таинственными шайтанами, выходящими по ночамъ изъ омоцкихъ гробовыхъ сайбъ, разсыпанныхъ по глухимъ вѣдомамъ колымскихъ и анюйскихъ береговъ¹ и пр. и пр. и пр.

¹ Сайба — небольшая деревянная клѣтушка, большей частью на высокихъ ногахъ. Гробовыя сайбы омоковъ (юкагировъ) разбросаны по вѣдомамъ, т.е. по невысокимъ долгимъ грядамъ, поросшимъ мелкимъ лѣсомъ, на берегахъ р. Омолона, Анюевъ и другихъ притоковъ Колымы.

Память нижеколымчанина обнаруживает большую цѣпкость и упорство въ сохраненіи этихъ остатковъ. Непонятные термины земледѣльской, городской, военной жизни, названія неизвестныхъ рѣкъ и городовъ, Волга матушка, Донъ Ивановичъ, Тамбовъ, Черниговъ, Саратовъ, Кострома, даже Кюстринъ, имена историческихъ лицъ, Скопинъ. Императоръ Петръ Алексѣевичъ, Егоръ Чернышевъ. Абрамъ Лопухинъ, казакъ Платовъ, всё это произносится совершенно правильно, съ необходимыми измѣненіями, обусловливаемыми сладкоязычной фонетикой, не смотря на то, что часто смыслъ целыхъ періодовъ пѣсенной или сказочной рѣчи остается совершенно непонятнымъ для рассказчика, какъ будто выраженный словами чужаго языка¹. Нижеколымчанинъ исполненъ робкаго и почтительнаго обожанія къ таинственной отчизнѣ, откуда вышли его предки 250 лѣтъ тому назадъ — «Русь мудрена!» гласитъ старинная колымская поговорка, сложенная еще дѣдами, и постоянно звучащая на устахъ убогаго рыбака при встрѣчѣ съ той или иной хитроумной выдумкой мудреной материнской страны. Въ числѣ такихъ непонятныхъ и невѣдомо какъ родившихся выдумокъ для колымчанина являются непонятными, увы, и хлѣбъ, взрощенный человѣкомъ изъ земли, ткань, искусно составленная изъ тонкихъ волоконъ, желѣзный котелъ, глиняная чашка, топоръ, огниво... Поэтому, не смотря на то, что при столкновеніяхъ съ инородцами колымскій порѣчанинъ настаиваетъ на своемъ русскомъ, православномъ происхожденіи, и даже присваиваетъ многимъ предметамъ своего обихода названіе *русскихъ* (русанка — сѣть изъ конопли, русскій домъ въ отличіе отъ юрты, русская комлея и т.п.), онъ никогда не причисляетъ себя собственно къ этой «мудреной Руси». Въ глубинѣ своего сердца уже давно онъ призналъ свое неравенство съ прочими отраслями и отпрысками русскаго племени и уравнилъ себя въ собственномъ мнѣніи съ разными «горными и полевыми людьми», окружающими его — чукчами, ламутами и прочими «дикими азіатами».

Небольшой осколокъ великаго русскаго народа влачитъ свое жалкое существованіе, заброшенный среди полярныхъ снѣговъ на оледенѣвшихъ берегахъ негостепріимной рѣки. Родина не посылаетъ ему ничего, кромѣ нѣкоторыхъ предметовъ матеріальнаго быта, необходимыхъ для существованія послѣднему дикарю, которые онъ оплачиваетъ немногими лисьими и песцовыми шкурками, скудной данью негостепріимной тундры. Никакое благое вѣяніе не достигаетъ его лица, ни одна благая вѣсть не доносится къ его ушамъ. Глаза его обращены къ землѣ и только изрѣдка

¹ Напр. извѣстная хороводная пѣсня: «Лѣнь мой пригорѣлъ, лѣнь мой призатускъ, ужъ я сѣяла, сѣяла лѣнь», распѣваемая на колымскихъ вечеркахъ. не понятна колымчанину отъ перваго до послѣдняго слова; еще болѣе не понятна старинная Московская коляда:

А мы ходимъ, походимъ, виноградчики.
А мы ищемъ поищемъ господиновъ дворъ,
Господиновъ дворъ среди Москвы...

обращаются на западъ не съ надеждой, но съ суевѣрнымъ страхомъ, ибо время отъ времени оттуда приходитъ мрачная изгнанница цивилизованныхъ странъ, еще могучая въ пустыняхъ. — матушка оспа, — собирать человѣческую дань съ дикихъ и одичавшихъ обитателей полярнаго края, не разбирая ни племени, ни одежды и только обходя невольныхъ пришельцевъ, истинныхъ дѣтей далекой европейской отчизны.

Н.-ѳ

12-го мая 1896 года.

OCR: Андрей Дуглас

Автор: Владимир Германович Богораз (1865-1938) — российский революционер, писатель, этнограф, лингвист и северовед.

Очерк опубликован в «Сибирском сборнике» (приложение к иркутскому журналу «Восточное обозрение») за 1897год, №1/2, стр. 1-22.